

Стратегии любви: о прочтении Ф.В.Й. Шеллинга и Вл. Соловьева сегодня¹

История западной философии / История русской философии / Сравнительная философия / Философская антропология

**Винкельман А.М.
Аспирант**

НИУ ВШЭ, Москва, аспирант, преподаватель, зам.рук. Школы философии
avinkelman@hse.ru

Тема любви – одна из главных тем для Ф. Шеллинга Вл. Соловьева. Более того, философия любви Соловьева часто представляется как рецепция философии Шеллинга. Однако я постараюсь показать, что для сегодняшнего читателя Соловьев и Шеллинг при всей видимой схожести репрезентируют две принципиально разные стратегии говорения о любви понятой как принцип единства и целостности человека и мира. Соловьев понимает любовь как некоторый концепт, обращаясь к которому можно обнаружить путь выхода из современного Соловьеву кризиса; в этом смысле с сегодняшних позиций его подход можно было бы назвать консервативным. Шеллинг же допускает как минимум два прочтения – аналитическое и спекулятивное. Первое оказывается ближе к «консервативному» прочтению Соловьева, хотя, на мой взгляд, все же расходится с ним в самой фундаментальной точке. Второе прочтение даже вступает с Соловьевым противоречие. Это, однако, позволяет увидеть Вл. Соловьева не как автора, которому принадлежит оригинальная рецепция философии Шеллинга, а как автора самостоятельной и призванной решить совершенно конкретную задачу теории. В отношении же Шеллинга обнаруживается потенциал к тому, чтобы прочитать его как автора, репрезентирующего актуальную точку зрения на современность.

Ключевые слова: философия любви, Ф. Шеллинг, Вл. Соловьев, русско-европейский диалог, современная метафизика

Love Strategy: a Modern Reading of F.W.J. Schelling and VL. Solovyov

**Vinkelman A.M.
Doctoral Student**

HSE Moscow (National Research University Higher School of Economics), Faculty of Humanities,
School of Philosophy, Doctoral Student, Lecturer, Deputy Head of the School

The problem of Love is one of the main topics for F.W.J. Schelling and VL. Solovyov. Moreover, Solovyov's philosophy of love is often presented as a kind of reception of Schelling's philosophy. However, I will try to argue that nowadays both philosophers – despite their apparent similarity – represent two fundamentally different strategies of speaking about love recognized as the principle of unity and harmony of a man and the world. Solovyov understands love as a concept, turning to which we could find a way out of the modern crisis; in this sense, his approach could be called "conservative". Schelling allows at least two readings – analytical and speculative. The first one is closer to the conservative reading of Solovyov, although, in my opinion, it still diverges from him at the most fundamental point. The second one even comes into conflict with Solovyov "conservative"

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00100).

approach. This reading allows us to see the Solovyov not only as an author who owns the original reception of Schelling's philosophy but as an author of an independent theory designed to solve a very particular problem. There also arise a potential for reading Schelling as a completely modern author who represents the point of view on modernity.

Keywords: Philosophy of Love, F.W.J. Schelling, Vl. Solovyov, Russian-European Dialogue, Modern Metaphysics

Историк философии исходит из того, что каждый автор, которому он посвящает своё исследование (1) мыслил в рамках некоей традиции; (2) сам является основателем некоей традиции; (3) не принадлежит никакой традиции и, в таком случае, следует либо подчеркнуть это обстоятельство, либо постараться указать для него место в одной из уже существующих традиций.

Вл. Соловьёв и Ф. Шеллинг вне всякого сомнения, мыслили в традиции и создали свою. Свидетельство первого – их сочинения. Оба философа вступают в проблемное поле и ищут ответы на преимущественно уже имеющиеся вопросы. Размах рецепции же и количество исследовательской литературы говорят о том, что их решения были оригинальными и удачными.

Принято считать, что Соловьёв был существенным образом инспирирован Шеллингом, иногда речь идет даже о «русском шеллингианстве». На это есть как содержательные основания (круг проблем, с которыми работают философы), так и формальные (стилистически и терминологически порой нетрудно увидеть то, как Соловьёв разделяет стиль и умонастроения немецкого коллеги).

Что касается темы любви и её места в философской системе Соловьёва и Шеллинга, то преимущественно говорят о параллелях – оба автора придают ей если не решающее, то очень большое значение. Любовь – ключевое понятие в концепции «всеединства» у Соловьёва. Для Шеллинга периода 1809-1815 года тема любви и вовсе является главнейшей; кроме того, текстологический анализ может показать, что сам принцип понимания любви у Шеллинга можно проследить еще в его самых ранних текстах.

Однако я постараюсь показать, что для сегодняшнего читателя Соловьёв и Шеллинг при всей видимой схожести репрезентируют две принципиально разные стратегии говорения о любви понятой как принцип единства и целостности человека и мира. Вл. Соловьёв понимает любовь как некоторый концепт, обращаясь к которому можно обнаружить путь выхода из современного Соловьёву кризиса; в этом смысле его подход можно было бы – с сегодняшних позиций – назвать консервативным. Шеллинг же допускает как минимум два прочтения – аналитическое и спекулятивное. Первое оказывается ближе к консервативному прочтению Соловьёва, хотя, на мой взгляд, все же расходится с ним в самой фундаментальной точке. Второе прочтение даже вступает с Соловьёвым противоречие.

В этом отношении Шеллинг и Соловьёв в любом случае не могут взаимно дополнять друг друга – речь всегда будет идти об описании принципиально разных точек зрения, хотя, парадоксальным образом оказывается, что количество параллелей и общих мест очень велико.

Владимир Соловьёв посвятил понятию любви несколько отдельных текстов. «Смысл любви» – серия статей вышедших в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1892-1894 годах. Понятие любви в рамках этих статей оказывается подчинённым более широкой теме – концепции всеединства, «которое он понимал как истину, то есть высший и совершенный тип мироустройства, в котором все многообразие сущего находится в состоянии единства и взаимопроникнутости» [1, с. 2].

В этом отношении Соловьев пытается совместить две, как может показаться, несовместимые вещи. С одной стороны, он полагает, что любовь имеет онтологическое значение – Бог, творящий мир, содержит *в себе* любовь как вечную женственность.

Бог – ключевое понятие концепции всеединства и в ней он не трансцендентен миру, но присутствует в нем, как бы пронизывает его. В этом смысле любовь находится *в мире* и, можно было бы сказать, поддерживает его существование на всех уровнях. В заключительной пятой статье Соловьев даже, упоминая вскользь магнетизм, электричество, гравитацию, говорит о любви как о принципе единства вселенной «насколько она не есть хаос разрозненных атомов, а единое и связное целое» [3, с. 542].

С другой стороны, вся конструкция текста свидетельствует о том, что любовь для Соловьева имеет функциональное значение. Она не составляет главной тайны мироздания, а, скорее, является чем-то таким, от чего сегодня *отвлеклось* человеческое внимание. Любовь в этом смысле – это то *с помощью чего* можно вернуть утраченную гармонию человека и мира.

О том, что важно понять *функцию* любви, Соловьев говорит ещё в самом начале текста. Он выступает тут почти в роли следователя, пытаясь выяснить, зачем в мире вообще оказалась любовь – как она влияет на развитие эволюции или на ход истории? Оказывается, что многие великие события свершались без любви, и, более того, – там где была любовь не всегда было счастье или что-то значительное. Довольно неожиданным для читателя оказывается и то, что самым важным видом любви, тем видом, к которому мы и должны обратиться, оказывается *половая любовь*.

При этом ясно, что всячески подчеркивает и Соловьев и, например, Лосев [2], что «пол» в данном случае – указание на особое диалектическое отношение, которое является фундаментом для мироздания. Однако сказать, что Соловьев тут работает как диалектик или же проблематизирует тему пола было бы ошибкой. Напротив, он, по всей видимости, имея в виду такую возможность, не делает шага в этом направлении. Для него *пол* оказывается не столько категорией устройства природы, сколько необходимым условием для того, чтобы говорить об индивидуальности в человеке и Человечестве. Так, полюса – это я и Другой, это то, что необходимо для существования отношения. Посредством пола образуется и телесность.

Любовь же, как полагает Соловьев, должна телесность *одухотворить*. Отсюда и спекулятивный тезис о связи любви и бессмертия: любовь одухотворяет материю и делает ее бессмертной. Речь идет о некотором отношении, которое как бы позволяет подняться над причинными связями.

Сам факт истинной любви, по мысли Соловьева, делает возможной связь между мирами – реальным и идеальным, Царством Божьим и этим миром. Человек любит земное существо и творя его идеальный облик постигает в нем всеединство в Боге – Софию. Таким образом любовь как бы проделывает путь «туда и обратно»: любя, человек восходит к Высшему, к Богу, и, обнаружив посредством любви связи с Божественным, истинно проживает свою земную жизнь.

Терминологически это действительно очень напоминает философию Шеллинга. На первый взгляд может даже показаться, что Соловьев тут адаптирует Шеллинга для русского читателя; это, конечно, не так.

Если занять по отношению к «Смыслу любви» некоторую дистанцию, станет видно, что тому типу мироустройства, которое Соловьев мыслит как «всеединство» *уже* противостоит наличный, сегодняшний мир. Катастрофу, распад, раздробление Соловьев видит уже сейчас. Такое состояние мира он обозначает как победу *эгоизма* (важнейший термин для онтологии Шеллинга, но и тут можно было бы указать на ряд фундаментальных отличий).

В этой точке лучше всего видно, почему Соловьев и Шеллинг при всей внешней схожести репрезентируют две принципиально разные концепции. Для Шеллинга эгоизм еще не победил, он не исходит из состояния катастрофы. Соловьев надеется на то, что сила любви победит, Шеллинг – нет.

Примечательно, что у Шеллинга – в отличие от Соловьева – нет ни одного текста, где в названии было бы слово «любовь». Однако именно это понятие является ключевым для всей его философии: дефиниция любви имплицитно есть уже в «Афоризмах о натурфилософии» (1805/7), эксплицитным образом любовь является важнейшим понятием в 1809-1815-ые годы, сохраняя своё значение и в самых поздних его сочинениях.

Читать тексты Шеллинга – сложна герменевтическая работа. Он не даёт прямой дефиниции, она, скорее, формируется по ходу чтения. В зависимости от того, какую проблему решает Шеллинг, образуются и термины. Так, синонимом «любви» в разных фрагментах текста будут, например, «свет», «связь» «связующий принцип» «вторая потенция» и т.д.

Кроме того, предварительно можно выделить и несколько интерпретативных уровней. На первом – после текстологического анализа обнаруживается некоторая воспроизводящая себя с небольшими изменениями в ключевых текстах дефиниция: «тайна любви в том, что она соединяет такие противоположности, каждая из которых могла бы быть для себя и все-таки не есть и не может быть без другой» [4, с. 151]. Таким образом, любовь представляет собой главным образом принцип связи сил в природе, то, что обеспечивает возможность диалектического развития природы.

Второй уровень – рефлексия над тем, как устроена сама «возможность мира». Аргумент Шеллинга состоит в том, что для того, чтобы движение как результат всё время воспроизводящегося столкновения природных сил случилось, требуется некоторое логическое условие возможности – безосновное или индифференция (Indifferenz). Эксплицитно этот сюжет проработан у Шеллинга мало, но можно с большой долей уверенности предположить, что именно любовь и является этой индифференцией.

Шеллинг отводит понятию любви совсем не то место, чем Соловьев. Для Шеллинга любовь – это и пред-условие и конец творения (Endabsicht der Schöpfung). На этом уровне тоже можно говорить о как минимум двух прочтениях – традиционном и апокалиптическом. Первый ближе к Соловьеву – сила любви одухотворяет материю и открывает перспективу мыслить загробную жизнь и мировую гармонию. Второй трактует изначальную индифференцию одновременно и как конечную цель творения – мир будет поглощён божественным огнем и всё вернется к первоначальной точке, к без-различию, индифференции. Такая интерпретация [5] кажется сегодня наиболее близкой духу современности, хотя и требует ряда оговорок: Шеллинг, по всей видимости может быть прочитан так, но не только так. В любом случае, самое важное тут, что Шеллинг не отыскивает любовь как то средство, к которому требуется обратиться и как-то специально его теоретизировать. Напротив, любовь пронизывает всю его философию и в некотором смысле предполагается ей.

Этим наброском к развернутому исследованию я надеюсь показать, что Соловьева сегодня можно прочесть не как автора, которому принадлежит оригинальная рецепция философии Шеллинга, а как автора самостоятельной и призванной решить совершенно конкретную задачу теории. В отношении же Шеллинга обнаруживается потенциал к тому, чтобы прочесть его как автора, репрезентирующего актуальную точку зрения на современность.

Литература:

1. Бужор Е.С. Смысл любви в философии всеединства Вл. Соловьева // Общество: философия, история, культура. 2017. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smysl-lyubvi-v-filosofii-vseedinstva-vl-solovieva> (дата обращения: 28.02.2020).
2. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. Серия: «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2009.
3. Соловьев Вл. С. Смысл любви // Соловьев Вл. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Общ.ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф.Лосева. М.: Мысль, 1988.

4. Шеллинг Ф.В.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметов // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль.
5. Chepurin K. Indifference and the World: Schelling's Pantheism of Bliss // Sophia. 2019. (online first: <http://doi.org/10.1007/s11841-018-0700-7>) P. 1-18.